

Элеонора Гильм
Искупление

Запретная любовь,
ставшая судьбой

Элеонора Гильм
Искупление
Серия «Я – женщина. Любовно-
исторический роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63598111
Искупление / Элеонора Гильм: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-114128-8

Аннотация

Аксинья Ветер, жена кузнеца, в свои двадцать четыре года пережила немало тягот, оставшись вдовой при живом муже. Она и ее близкие выживают в суровом мире, где голод и лишения забирают свои жертвы, где все смешалось – злые и добрые дела, счастье и горе. В жизнь Аксиньи вновь врывается любовь, запретная и осуждаемая всеми. К чему приведет она и сможет ли Аксинья искупить свой грех?

Содержание

Пролог	4
Глава I	6
1. Раздоры	6
2. Дурная слава	35
3. Побороть змея	60
4. Смерть	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Элеонора Гильм

Искушение

Пролог

– Мужики принесли его. – Подруга погладила плечо Аксиньи, глянула на нее тревожно.

Аксинья кивнула. Не нужны ей были объяснения, и так ясно, кого несли сейчас к избе мужики. На широкой сосновой доске узкий сверток замотан в полотно белого льна – Марфа дала, не пожалела доброй ткани.

Аксинья вышла на порог и схватилась за перильце, ноги ее подгибались, горло пересохло, а перед глазами сгущалась тьма. Как посмотреть на него, как пережить, как прощения молить за содеянное...

Снявши шапки, мужики осторожно положили на стол доску с полотняным свертком. Перекрестились перед покойником, поклонились иконам. Георгий Заяц бросил сочувственный взгляд на Аксинью, но побоялся вымолвить хоть слово – так страшен был ее вид.

– Георгий, ты скажи, как он... – Она теряла слова, не понимала, как завершить страшный свой вопрос.

– Он лежал подле коровы. Рядом рога... коровьи кости, обгоревшие.

– Мучился? – зачем-то спросила она и спохватилась. Ведь и сама знала о том, как страшна смерть сгоревшего заживо человека. Одна надежда – упавшие стропила могли быстро оборвать мучения. Да кто ж теперь узнает...

Аксинья и подруга ее, Прасковья, застыли над покойником. Последнюю ночь проведет он в доме невесты своей, а потом отправится на место вечного успокоения, под бок к отцу.

Аксинья трясущейся рукой откинула белое полотно. Попрощаться с ненаглядным родичем, посмотреть последний раз на милое лицо... Саван выскользнул из ее рук, и она медленно осела на пол. Прасковья подхватила ее, потащила к лавке, протянула ковш с водой. Закопченное, темное, высохшее, оскалившееся в непристойной ухмылке лицо не похоже на родной лик, как бес не похож на ангела. Жестокий огонь искажил цветущее жизнью лицо, высушил тело, и даже привычная ко всему Аксинья не могла избавиться теперь от этого образа...

Глава I

Семья

1. Раздоры

Рано сгустившаяся тьма таилась за окном, шепталась с бесами, напевала колдовские заклинания. Избу освещали две лучины, вставленные в кованый поставец. Тихо поскрипывала в задней части избы люлька. Сплетенная из липовой коры, украшенная солнцем и звездами, она, по всей видимости, использовалась не первый раз. Под нарядным белым покрывалом спал младенец. Люльку качала пожилая женщина, и в полудреме не оставлявшая своего занятия. Темные волосы ее обильно украсила седина, лицо хранило следы давней красоты и больших печалей.

Под люлькой растянулся черный кот, нахально растопырив лапы. Сидящий рядом мальчуган крутил тряпичную куклу, пытаясь оторвать голову в нарядном красном платке.

– Васька, отдай куклу. Не для тебя делана, – подняла голову от шитья молодуха. Не старше двадцати лет, ладно скроенная, с пучком темно-русых волос и тихим голосом, всем была бы она хороша, кабы не темное пятно, обезобразившее милое лицо. И ласковый взгляд болотно-зеленых глаз, бро-

шенных на сына, и чуть вздернутый нос терялись под наказанием Божиим, портившим природную красу.

– Пусть побалуется, Софья, мал совсем. Я новую тряпичницу смастерю, – сказала темноволосая женщина, лицо которой пряталось в тени. Она рассыпала на дощатом столе засохшие стебли и листья трав и перетирала их в труху.

– Мой сын, мне знать лучше, что ему делать дозволено, а что нет. – Софья возразила все тем же тихим голосом, но сын ее вскинул испуганный взгляд.

– Исяаа... ись.

– Есть хочешь, Васенька. – Темноволосая женщина сыпала последнюю горстку травы в мешок и встала из-за стола. – Сейчас каши поедим.

Легким движением она вытащила из печки небольшой чугунок и стала соскребать остатки со стенок. Теперь стало видно, что она молода, немногим старше Софьи. На узком лице горели темные глаза, чуть вытянутые к уголкам. Они выдавали инородческую кровь, текущую в ней. Темные волосы чуть пушились на висках, выбившись из косы. Ладная фигура, небольшие руки выделяли ее среди крестьянок, обычно пышных и ширококостных.

– Аксинья, отдай моего сына. – Софья выдернула у темноволосой молодухи ложку, принялась кормить сына сама, ударив его деревянной ложкой по губе. Васька разнюнился.

– Сусанка твоя как на дрожжах растет на молоке. Чужих детенышей молоком кормишь... А мой Васька пусть кашей

давится! – Софья звенела раздражением и даже имя Акси-
ньиной дочки не выговорила, а выплюнула в лицо.

Кто ж виноват, что крестили младенца в день поминове-
ния Сусанны Солинской¹. Редкое оно, чудно звучит. Во всей
округе не сыскать женки с таким именем. Аксинья звала доч-
ку Ньютой – в честь матери, но полное имя не забывала.

– Васька старше, уж отнят от груди, ему и каша сгодит-
ся. – Аксинья оттеснила невестку, ласково зашептала что-то
крикну. Она улыбнулась своим мыслям и засунула ложку с
кашей в Васькин разверстый рот. Мальчонка охотно прогло-
тил рассыпчатое варево.

– Что вы ругаетесь, девоньки? – Пожилая женщина вы-
рвалась из объятий сна. – И меня разбудили.

– А как не ругаться, матушка? Голод измором нас возьмет.
Или не видите, что творится?

– Софьюшка, молодая ты еще, резкая. Даст Бог, сами вы-
живем, и дети голодными не останутся.

– Мне завтра маслица с молоком должна принести Да-
рья... сыпь с лица ее сошла, – проговорила Аксинья. – Ска-
зала, расплатится.

– Ты обещаешь, обещаешь, а толку... Не могу я тут. – Со-
фья сорвала с крючка платок и тулуп, выскочила на улицу.

Аксинья и Анна переглянулись. Сытый Васька крутился
волчком, ничуть не расстроенный выходками матери.

– Да, доченька, неладное что-то творится с Софьей.

¹ Сусанна Салернская (Аксинья искажает имя) – святая преподобномученица.

– Она как сухое сено, любая искра – вспыхивает. Изменилась.

– Все мы стали другими, – вздохнула Анна и затагнула протяжно:

Бай-бай, бай-бай!

Спи-ко, Нюта, в зыбке старой

На периночке пуховой.

Бай-бай, люли, бай,

На периночке пуховой —

Много перья петухова...

– Спит Нютка?

– Спит. Посапывает тихонечко. Чудо-дитя, радость моя на старости лет. Ей да Васькой живу, о них молюсь и забочусь, – бормотала Анна себе под нос.

Аксинья подошла к люльке, отодвинула белое покрывало и нежно поправила одеяло. Несколько мгновений она не отрывала взгляд от крошечного носа и румяных щек.

– По сию пору поверить не могу. У меня – дочь... После стольких лет... Проснусь ночью – и вздрагиваю. Привиделось – иль правда.

– Такое счастье не привидится, – устало улыбнулась Анна.

– А ты кто? Что ж такое делается? – Их приглушенный разговор был прерван истошным криком Софьи.

– Да что приключилось опять? Матушка, сиди. Я посмотрю.

Васька оживленно крутил темной кудрявой головенкой. Отбросив в сторону тряпичную куклу, он, чуть пошатываясь на крепких ножках, пошел к двери вслед за Аксиньей.

– И тебе, внучок, любопытно. Сейчас, все узнаем, – отвечала Анна тем напевным голосом, каким обращаются женщины к детям.

Аксинья в легком летнике вышла на крыльцо. Возмущенная Софья уставилась на ребенка, закутанного в тряпье. Сверкали испугом его темные глаза, все остальное спрятано было под тряпками.

– Ты смотри! Стоит и ответить не может. Немой, что ль? Что молчишь, будто в рот водицы набрал? – Софья опять перешла на крик.

– Когда-то Мышкой я тебя звала... Ошибалась, ты будто собака... Лаешь, лаешь...

– Что?

– Пошли в дом. И ребенка веди. Отогреется, может, скажет словечко. – Аксинья погладила плечико ребенка и отворила дверь.

Нежданный гость шмыгнул в избу и прижался к теплому боку печки, будто к матери родной. Сгорбившись, он сел на пол, обнял колени, бесприютным зверенышем смотрел на женщин.

– Аки! – радостно завопил Васька, следом из колыбели донесся писк. Возня и шум разбудили младенца.

– Ах ты, Нютка-прибаутка. Голодная? Сейчас-сейчас.

Анна вытащила девчужку из люльки и подала Аксинье. Скинув летник и расшнуровав рубаху, та вытащила полную грудь с синими прожилками и подвинула темноволосую головку дочки к набухшему соску. Софья с осуждением взглянула на золовку, хотела что-то сказать, но ласковый голос Аксиньи, обращенный к найденышу, перебил гневливые ее слова:

– Ты не бойся, не обидим тебя. Чей ты, что на крыльце нашем делал? – Ребенок не отвечал. С открытым ртом он смотрел на Аксинью, ее белую грудь и умиротворенное лицо.

– Ишь как смотрит. Тоже, поди, присосаться хочет. – Софье не давал покоя ребенок.

Найденыш скинул с головы дырявую тряпицу, что заменяла платок. Мальчик лет десяти, тощий до изнеможения, с тонкой шеей, он казался забитым и голодным. На голове колтун темных волос, не знавших гребешка. Под черными глазами наливались синяки. Темные ресницы, искусанные губы, грязная шея.

– Кто ты, мальчуган? – Аксинья улыбнулась дочке, засунула сосок в маленькие розовые уста. Нюта выплюнула его. – Наелась, зайнька? Пора баиньки.

– Г-г-гр-ря... – Мальчик не отрывал взор от ворковавшей Аксиньи. – Грязной я.

– Грязной? Прозвище твое. А имя?

– Грязной. Грязной. Грязной, – твердил мальчонка, и страх копился в его взгляде, сотрясал тело мелкой дрожью.

– Ничего он нам не скажет. Устал, продрог, измучился. Софья, принеси подушку на лавку, да тряпки накрыться. – Невестка подчинилась Анне, но всем видом показывала, что не рада привечать отребье в доме.

Скоро погасили лучину, и все обитатели избы погрузились в счастливый мир сна. Незванный гость ворочался на лавке, иногда всхлипывал, и губы его шевелились.

Утреннее солнце еще не поцеловало запечатанные льдом окна, когда бабы начали обычные хлопоты по хозяйству: затопить печь, наварить похлебки отощавшей скотине, почистить двор, замесить тесто... Каждая занималась своим делом. Найденыш крутился под ногами, пытался помочь, хватал бадью с водой, Софья на него шикнула, Аксинья в утренней суете не обращала внимания, он, не найдя ничего лучше, подсел к Ваське и принялся мастерить ему что-то из березового полешка.

– Ты бери лопату да помогай мне двор чистить. А к сынку моему не лезь. Вшей, поди, полная башка. – Софья заметила безделье мальчишки, и тот молча принялся натягивать свое тряпье.

– Как ты в рванине такой ходишь? – Анна покачала головой. Худосочные колени, локти торчали сквозь обильные прорехи Грязного. – Софья, дай какую Федину одежду. Велика будет – не страшно. Посмотри-ка на дне, его детские вещи я схоронила.

– Мужнину одежду этакому оборванцу давать, – пробур-

чала та, но пошла в клеть и загромыхала крышкой сундука. Вышла с ворохом в руках, кинула вещи мальчику, и тот быстро облачился в новое. Будто справнее и светлее стал в новых портах, белой рубахе с заплатками и потрепанном, но прочном зипуне.

– Чей ты будешь? Кто родители твои? – Весь день Аксинья и Анна пытались пробиться сквозь молчание, сковавшее язык мальцу, но узнать более ничего не смогли. Он хранил свои секреты. Или попросту был слабоумен.

Бабы оставили его в покое. Не хочет рассказывать правду, так кто ж заставит его?

– Малец работает на совесть, – одобрила Анна склонившегося над миской Грязного. – Весь двор расчистил, до досок доскреб. Ешь, парень. На здоровье.

Скудный обед поделен был поровну, каша, заправленная каплей масла, исчезла в тарелке мальчугана за мгновение.

– Оголодал, бедолага, – светло улыбнулась Аксинья.

Софья молчала и супила брови. Ее прорвало, хранить молчание она разучилась за прошедший год:

– Нам свою детвору прокормить бы. Знаю, что привечать сырых и убогих – христианский долг наш. Но не в такой час... бедствий.

– Выгнать нам его на мороз? Да? – Анна, всплыв, резко встала из-за стола, но охнула, схватилась за спину.

– А насчет головешки его права невестка. – Аксинья подошла к Грязному и поддела всклокоченную прядь. – Стричь

волосы будем.

– Неряха окаянный. Сами стригите найденыша своего разлюбезного. – Софья подхватила на руку Ваську и ушла в бабий угол: расхлебывайте, мол, сами.

– Мне не привыкать. У Фимки на голове гнездо целое было. Будто вчера стригла патлы его. Где-то бродит он? – вздохнула Аксинья.

Рыжий Фимка, сын бедняка Макара и Феклы, когда-то был наперсником Аксиньи, работал на скотном дворе и в огороде, превратился в кого-то вроде младшего брата, помогал во всех делах, смешил и поддерживал...

– Помер твой Фимка давно, – и тут не умолкала Софья. – Будто не знаешь, что творится в Москве. Съели его литовцы да кости обсосали.

– Типун тебе на язык, невестка. Сладу нет с тобой. Злобой вся изошла.

– Злобой? Легко думаете... так... Годов мало, а жизнь будто закончилась. Оксюшка сама путь выбрала потаскуший. А я... я почто страдать должна?

Женщины молчали.

Лязгали старые ржавые ножницы в руках Аксиньи, испуганно сопел мальчишка, темные лохмы падали на бревенчатый пол избы. Обстриженные волосы неровно торчали, закручивались, курчавились на висках.

– Как у мужа моего, покойничка, – пробормотала Анна.

– В печь все кидай, парень, чтоб и следа не осталось. –

Аксинья поддела носком домашнего чобота волосы с белеющими гнидами. – Все от Бога.

– Не нужен нам вшивый оборванец, правда, Васенька? – не умолкала Софья.

– Невестушка, в церковь сходи, помолись. Нет покоя тебе – и нам не даешь. Угомонись. – Анна говорила размеренно, но слова ее веским камнем упали в тишину.

– Не мне грехи отмаливать надобно.

– Хочешь, чтобы повинилась я перед тобой? Винилась, и не раз. Как прощение твое заслужить? – Аксинья ополоснула руки под умывальником.

Теперь молчала Софья. Пятно, обезобразившее лицо ее, стало еще темнее, глаза наполнились слезами, губы дрожали. Будто не она начала свару, называя золовку паршивыми словами. Васька подошел к матери, прижался к ее ногам, умильно улыбнулся.

– Один ты матушку свою любишь, сыночек, – растрогалась Софья. Она вздохнула темно-русые волосы и вскрикнула. – Паскудник, сейчас получишь ты...

Грязной выскочил на улицу, на ходу успев накинуть недавнюю обнову – тулуп.

– Невелика беда. Оброс Васенок, давно говорила, стричь пора. – Свекровь попыталась вновь утихомирить невестку.

Вновь скрипели ножницы, орал Васька – разгневанная мать поцарапала ухо. Кот, спрыгнувший с полатей, наблюдал за суетой и умывался, высывая длинный шершавый язык.

– Вернуть надо Грязного, озябнет. – Аксинья качала люльку и с тревогой смотрела на дверь.

Нескоро мальчишка прокрался в избу, свернулся клубочком у печки и пугливо косился на Софью. Ее он боялся, будто домовая мышь кота-охотника.

* * *

Дни летели птичьей стаей, и скоро к Грязному привыкли. Он редко разговаривал, но бессловесность его не полыхала злостью или скудоумием, он был не хуже других детей, а может, в чем-то и лучше. Маленький, худой, жилистый, он справлялся со всеми возложенными обязанностями: рубил дрова, чистил снег, топил печь, кормил скотину, таскал воду с реки. Аксинья недоумевала, глядячи на постреленка: откуда сила берется в маленьких его руках. Грязной стал для бабского царства Вороновых подспорьем. Но и трудолюбие его не растопило сердце Софьи. Она насмехалась над ним, звала Шпынь-головой и отгоняла найденыша от детей.

К возмущению Софьи, ее сын воспылал нежностью к Грязному. Неважно было Ваське, что парнишка зашуганный, молчаливый, странный, он, как и все малые дети, смотрел в нутро человеческое и чуял там доброту и мягкость. Долгими темными вечерами Грязной мастерил из бересты игрушки – коней, зайчиков и прочую живность.

– Агаси, – улыбался Васька. – Заси, вось, куся. – В про-

тивоположность другу он отличался бурливой разговорчивостью. Только ничего в словах его разобрать было невозможно. Подходя к колыбели, Васька тянул Нюте берестяные фигурки, которые сразу отправлялись нетерпеливой ручкой в рот, тщательно пробовались на вкус. Подскочивший Грязной вовремя вытаскивал из жадного рта поделки, а Васька бывал бит за проказы свои.

– Не безобразничай, подавится сестра – худо будет, – внушала ему Аксинья, но по рожице парнишки совершенно невозможно было понять, осознал ли он всю пакостность своих деяний.

– Аксинья, догадываюсь я, чей Грязной. – Анна смотрела на детей, и легкая полуулыбка красила ее увядшие губы. Скрученная нитка ловко наматывалась на веретено.

– Так чей же? – Иголка выскользнула из рук Софьи и потерялась на полу. Пока она крутила головой, Грязной иголку нашел и протянул зловредной молодухе.

– Зоркий, – похвалила Аксинья, а разговор о мальце и его родителях потух, как огонь на мокрых поленьях.

* * *

Близился светлый праздник Рождества. Морозы напали на деревеньку, как тати из темного леса. Еловая – семнадцать домишек, вытянувшихся вдоль Усолки, – готовилась к светлому празднику нехотя, из последних сил. Прошедшее лето

с ливнями, поздними заморозками, градом с голубиное яйцо и ненастная осень оставили полупустыми житницы. Недород ржи и ячменя – голодный скот, голодное брюхо.

Сочельник близился, а хозяйки, прежде сбивавшиеся с ног у печи, горестно разводили руками. Стол праздничный мало кто отличил бы от каждодневного: каша, горох, репа, лук да капуста. Аксинья приберегла в леднике тушку зайца, плату за знахарские услуги.

Софья в предпраздничных хлопотах участвовать не спешила, занятая починкой сыновьей рубахи.

– К родителям я с Васёнкой поеду, проведать хочу, внука показать.

Аксиньины брови сами собой поползли вверх, но говорить с невесткой не стала. Слово молвишь – ушатом грязи окатит.

– С кем поедешь?

– Семен с Катериной к родичам направляются, я наемни обговорила с ними.

– Добро.

Софья цвела редкой улыбкой, напевала что-то вполголоса, тормозила сына, баюкала Нютку.

– Ах ты, моя краса, – напевала она девочке, а та шурила чудно-синие глаза, смешно морщила крохотный нос и приязненно смотрела на тетку. Федина вдова не переносила на ребенка грехи матери. И в том радость Аксинье.

Накануне светлого праздника Софья увязала вещи, под-

хватила на руки тяжелого уже Ваську и вышла к воротам. Аксинья с матерью их провожали, будто в долгую дорогу – а ехать-то до села Борового всего пять верст. Софья на родственниц даже не смотрела, вытягивала шею, разглядывала, выехал ли со двора Семен Петух. Скоро старые сани остановились перед избой, Семен помог молодой взобраться на седелку, подкинул Ваську, остановился у ворот:

– А вы к родичам не едете? А, Аксинья? – Светло-русая прядь скользнула на лоб, и он отбросил ее, сбив шапку с плешивой беличьей оторочкой на затылок. – Почто дома остаетесь?

– Нам и дома хорошо, – улыбнулась Аксинья и поймала испуганный взгляд Катерины, Семеновы жены. Большеглазая, с круглыми щеками и пышным телом, она раздобрела. «Хорошо за мужем добрым жить», – мелькнула у Аксиньи лисицей-огневкой мысль.

– Так вы в гости приходите, медовухи попьем. Ваньку поводишь... и Нютку с собой бери. Молочные брат с сестрой ведь, не чужие дети у нас. Да, женка? – повернулся он к Катерине. Та лишь кивала. Послушная, молчаливая, покорная. Какой и надобно быть.

– А мать твоя, Маланья, порадуется? – не смолчала Аксинья.

Семен молодецвато гикнул, две лошадки резво снялись с места.

– А куда ей деваться? – ответил уже на ходу.

Анна подхватила дочь под локоток и потянула в избу. Нечего лясы точить с чужими мужьями. Помахали на прощание, медленно пошли в избу, где малая Нютка под приглядом Грязного осталась. Щеки Аксиньи заалели небабьим румянцем, зеленый наглый взгляд мужика разгонял кровь. Сколько лет уж прошло, а для него все по-прежнему. Как десять лет назад.

– Ну слава тебе, Господи. И она развеется, и мы отдохнем трошки. А уж парнишка вздохнет спокойно. Поедом ведь Софья ест Грязного.

– Матушка, не любят Софью родичи. Порченой считают... и в гости она к ним не рвалась никогда. Раза три была-то в родной деревне за все годы. С чего вдруг решила поехать?

– Да кто ж знает ее. Странное дело, поездка эта к родителям, твоя правда, Оксюша. Как вы тут, хозяйничаете? – уже детям, угукающей в люльке Нюте и Грязному, трясущему перед ней погремушкой – овечьим пузырем с зелено-желтыми камешками гороха.

– Угу, – мотнул головой мальчишка.

Семья весь день предвкушала богатый стол. Грязной круги наворачивал вокруг стола, втягивал ноздрями незнакомый запах запеченной в печи зайчатины, давно томившейся, исходившей соком.

– Завтра светлый праздник Рождества, не подобает встре-

чать его с пакостью в теле... Да и в душе, – вздохнула пожилая женщина, вспомнив Софью. – Банный день сегодня у нас.

Грязной таскал воду с реки, Аксинья поставила большой медный котел на печь – грели воду. В большую деревянную лохань ковшиком долго черпали исходящую паром воду, лили студеную речную водицу. Первой в теплую лохань с золой опустили Нюту, забавница бултыхала ногами-руками, шлепала по воде, смеялась... Аксинья с ног до головы промокла, но дочка сверкала чистотой.

– Скидывай одежду, лезь в воду, – спокойно, но строго сказала Аксинья.

Грязной смотрел на женщину зверенышем.

– Не.

– Предлагаешь посадить тебя за стол с черной шеей? Не надейся. Мы будем зайчатинку есть, а ты голодным ходить. Хватит, привыкай по-новому жить.

Мальчишка вздохнул, поглядел на дверь, но спорить побоялся. Медленно стал стягивать с себя рубаху, следом порты, развязал тряпицы на ногах. Аксинья с ужасом смотрела на тощее тельце, которое землистыми и сине-черными пятнами лихоманили синяки: на груди, животе, руках... Опытный глаз знахарки сразу приметил неровно сросшиеся ребра, след давнего удара. Анна прикрыла рот рукой, сдержала вскрик.

– Да кто ж так тебя? Что за изверг? – возмутилась Анна.

– Ты в услужении у кого был? – Аксинья погладила мальчишку по стриженной голове.

– Батя, – разомкнул парнишка губы и залез в лохань. Прикрывая стыд рукой, он тер золой и вехоткой тело, неловко косился на баб.

– А где сейчас он, отец твой? – Не сдержат Аксинье любопытство, и жалость не укротить.

Грязной не отвечал. Он скукожился в лохани, прикрыл глаза, будто заснул. Темные ресницы отбрасывали тени на впалые щеки. Спустя некоторое время Аксинья потрясла парнишку за плечо:

– Вылазь. Остыла водица-то.

Парнишка промокнул тельце утиркой, морщился, когда задевал особо смачные синяки. А выхлебав миску ароматной похлебки с травами да овощами, он внезапно открыл рот. И будто прорвало его. Будто в лохани той отмокла душа его, отпарилась грязь, отвалилась заскорузлой коркой, обнажила страхи и надежды.

Грязной

Сколько помнил он, жили впроголодь, по чужим дворам. Родители сказывали, был у них дом хороший, да уехали оттуда. Почему – Бог весть. Покинули родные места, выстроили дом новый – а он сгорел. Так и скитаются по чужим людям. Было в семье трое детей – две девки и сын, Грязной. Осталось двое. Средняя сестра померла с голоду.

Соломенная лежанка, тряпки вместо одеяла, замусоленные миски, вши и блохи.

Отца они видели редко, он искал работу в соседних деревушках, нанимался за кусок хлеба и чарку хлебного вина чистить овины, латать сараи и нужники. Самая грязная работа, скудная плата. Семье ничего не перепало, питались они объедками с чужого стола. Грязной привык. К одному привыкнуть сложно – отцовой ярости.

Отец худой, злой. Мать бил, Грязного бил. Сестру не трогал почти. Так, с устатку.

Матери кричал слова обидные. Ругал ее последней... Нет, язык не поворачивается повторить такое. А мать не спорила. Не редела. Грязного только в сенник отправляла, что к сараюшке вверху пристроен. Мол, залезь, схоронись, батя тебя не найдет. А Грязной знал уже, это не поможет. Спрячешься где, потом вдругорядь яростнее отлупит. Мол, наука тебе.

Дальние родичи, сами голытьба с четырьмя детишками, пустили по доброте душевной. Мать и детей звали иногда к столу, давали обноски со своего плеча. Грязной уже стал называть домом щелястую сараюшку, где последние три месяца ютилась семья.

Наступила зима, и каждый вечер Грязной пытался согреться под дырявой собачьей шкурой. Мать заболела седмицу назад, шептала: «Больно, Господи», сейчас она заснула, перестала стонать. Грязной откинул шкуру, пригляделся: захла, улыбнулась вроде. Он обрадовался. На поправку по-

шла. Рядом мычала худая корова, ребра проступали сквозь ее плешивую шкуру. А мать лежала спокойно на куче тряпья. Ревела сестра, размазывала слезы по веснушчатому лицу.

– Улыбаешься, дурень? – Сестра старше лет на пять, а нос задирала, будто взрослая. Да и вообще злая. Как отец.

– Спит ведь.

– Не спит она... Мертвая.

Он стал трясти мать, кричать: «Проснись! Ты живая!» – а она ничего не отвечала своему младшему сыну, и сон ее был бесконечен. Сестра отогнала мальчишку от тела матери, буркнула: «Иди за теткой, а потом отца ищи».

– Ублюддок, те... че? – Язык тятин не ворочался, застревал в словах, как гребешок в колтунах.

Отца Грязной нашел, лишь оббежав все дома.

Услышав скверную весть, отец избил Грязного. По обыкновению.

Схоронили мать, нищенские поминки еле вытянули... И скоро родичи выгнали вдовца-пропойцу на улицу, сладу с ним теперь и вовсе не было. Сестре повезло – они согласились приютить ее, оставили, чтобы она нянчилась с ребятишками.

Отец и сын ночевали в сараюшках, заброшенных домах, просились в богатые дома. Порой из жалости их привечали. Но скоро гнали прочь, отец не мог ужиться ни с кем. Он цеплялся к каждому слову, взгляду, движению. Бил еще яростнее. Материл злее.

Во время очередного бесконечного пути от села до села отец, пряча лицо под колпаком, подошел к высокой изгороди и ткнул Грязного к воротам:

– Здесь жить будешь. С тобой, спиногрызом, валандаться не собираюсь. На грех пойду, пришибу.

Отец всегда приносил Грязному боль, мучения, горести. Но не теперь. Этот день стал самым счастливым в паскудной жизни маленького оборванца.

* * *

– Иди сюда, – притянула к себе Аксинья парнишку, погладила ежик волос.

– Вы не прогоните меня?

– Нет, Матвей, не выгоним. Здесь твой дом. – Анна улыбнулась.

– Я Грязной, не Матвей. Так меня все кличут.

– Грязной – не имя, а прозвище. А мы звать тебя будем Матвеем.

– Матвей... Матвейка... Мне по душе. Вы не выгоните меня? Скажите. – Он сыпал словами, будто камешками на речном берегу.

– У нас будешь жить, не бойся. Как мы теперь без тебя.

Нюта уже давно сопела в своей люльке, отмытый мальчишка свернулся клубочком на узкой лавке, Уголек обнюхивал углы и тревожно косился на печь. Чувал мышей или до-

МОВОГО.

– Софье правду скажем?

– Не будем таить.

– Но она... Матушка, она и так невзлюбила мальчишку...

А как узнает, сожрет нас...

– Ничего, покричит и замолкнет. Куда денется, я хозяйка в этом доме.

Остаток вечера они провели в молчании. Каждая дивилась в душе прихотям Божьей воли, которая привела к ним Грязного.

* * *

– Идет, гузкой трясет.

– Девку свою тащит, в церковь-то зачем?

– Дитя греха. Отмолить хотят. А не получится!

– Ишо парнишку какого-то подобрала.

– Мож, ейный выпороток². В девках родила да припрятала до поры.

– Дарья, ты языком не молоти. Приблудился хлопец, у них теперь живет.

– Растлит парнишку.

– И Анька под стать дочери-блуднице.

– Вольна баба в языке – а черт в ейном кадыке, – мужской

² Выпороток – недоносок.

голос перекрыл кудахтанье.

Аксинья почувствовала волну благодарности к Игнату. Один из немногих односельчан, кто не сторонился ее, помогал, привечал добрым словом. Когда-то Григорий, муж Аксиньи, взял в подручные шумного, говорливого парня, выучил своему мастерству. Теперь Игнат – хозяин кузни. Вместе с Зоей живет он в той избе, где когда-то Аксинья хлопотала, ждала мужа, верила в свое счастливое будущее.

Не надо окуна́ться в прошлое, омут затянет с головой.

– Здоровья вам. Это ж откуда молодца такого взяли? – Игнат догнал их, кивнул Аксинье, наклонил голову в знак уважения перед Анной, улыбнулся мальчишке.

– Сам пришел.

– Ишь как! Хоть мужик в семье будет. Как звать-то мужика?

– Матвейка.

– Доброе имя.

Нюта зашевелилась, забарахталась в завертке из овчины. Раскричится – опять бабы яриться начнут. Дочка тяжелая. Кроха вроде, а руки немеют. Или сил у Аксиньи мало?

– Игнат, ты как? Как дети, жена? – Аксинья отвела разговор от Матвея. Не догадается Игнат, но лишние разговоры не надобны.

– Зойка вона со старшей идет. Младшую с бабкой оставили. А я... Руки побаливают. Скажи средство, Аксинья, мочи нет, ночами скриплю зубами от болести.

– Приходи, Игнат. Чем смогу – помогу.

Дорога до Александровки не длинна. Всего-то три версты. А путь долгий. Под ехидными взглядами и злыми словами. Будто что украла у них Аксинья и отдавать не хотела. Уж много месяцев трепали имя ее окрестные бабы, и все удержу им нет. В глаза не говорили. Сторонкой обходили, боялись знахарку, ведьму. А за спиной помоями плескали.

И не скажешь им слово ответное.

Правы. Грешница. Похоть тешила. Мужа родного в острог загнала. Брата уморила. Отца до смерти довела.

Все про нее, Аксинью.

Длинные мысли, липкие взгляды. Аксинья знай себе идет, о своем думает. Дочь крепко к себе прижимает. За Матвейку радуется. А матери худо сейчас живется. Привыкла к уважению, к долгим разговорам с соседками, к жизни без страха. Все это дочь у нее украла.

Дорога, укатанная санями и сотнями ног, блестела при свете месяца. Сапоги разъезжались на скользких колдобинах. Анна не успела охнуть – упала на серый наст, как куль с мукой.

– Вставай, матушка. – Аксинья отдала Нютку Матвею, на колени встала перед Анной.

– Ох, косточки мои.

Анна кряхтела, еле встала, опираясь на дочь, разогнула крепко ушибленную спину. Старость – долгая смерть.

– Примочки сделаю тебе, и все пройдет.

– Пройдет, дочка. – Каждый шаг Анны отдавался теперь тысячами огненных игл. А рядом шептались злорадно:

– Бултыхнулась как!

– Во как грехи тянут к земле. Бог смотрит, все видит.

– Злоязыкие гусыни, – ругнулась Аксинья.

– Молчи, дочь.

– А что они говорят... худо про тебя... про нас? – Мальчишка заглядывал в глаза Аксиньи, искал ответы.

– Не слушай их, в... Матвейка. Сейчас время благодостное... о-о-ох. – Анна на каждом вздохе глотала стоны. – Сын Божий родится. Не время сквернословить.

Живут с дочерью отшельницами в своем дворе, только по надобностям выходят – и мало слышат гадостей. А здесь собралась вся Еловая – пешком ко всеобщей идут. И грешниц по дороге чихвостят. И распяли бы... иль камнями закидали. Да трусливы больно.

Не осталось в Анне уважения к людской породе. Чем больше живет на свете, тем страшнее видится нутро человеческое. И сама далека от праведности, как земля от неба, столько ошибок сотворила – не перечесть. Да не занимает свой ум чужими прегрешениями и ошибками – свои да дочерины отмаливает.

Давно пора ей в мир иной. Да страшно. Навеки корчиться в аду. Анна сглотнула слюну и продолжила путь. Только дочка да внуки держат ее на этом свете.

Софья вернулась шумная, радостная, чужая.

– Хорошо погостила? – Аксинья накрывала на стол, выставляла остатки скудных праздничных яств.

– Ой, сладко. По родителям соскучилась, по родичам. Васеньке они по нраву пришлись. Да, сына?

– Негу, – непонятно ответил тот и ткнулся лбом в Матвейку. Паренек подхватил Ваську под мышки, шутливо подкинул вверх.

– Отцепись ты от сына. – Софья спрятала улыбку. – Вижу... Вы его не прогнали. Одежу дали, накормили. Шел бы дальше... побираться по деревням.

– У нас он жить будет, невестушка моя. Места и еды всем хватит. Ты смирись, утихомирься. – Громкий голос Анны заполнил избу. У нее всего-то и осталось, что голос. Силы таяли с каждым днем.

– Вы очумели, матушка? Аксинья! Не буду с грязнулей... как его, Грязным жить!

– Матвейкой, – не смолчала Аксинья.

– Что?

– Матвейкой его зовут.

– Да хоть святым Матфеем зовите.

– Не богохульствуй, София.

– Не тебе, Оксюшка, проповеди мне читать.

– Да не кричи ты.

– Матушка, вы выбирайте. Или оборванец этот – или я с внуком вашим.

– Воля твоя.

Аксинья поразилась спокойствию матери. Не безделицей угрожает Софья – внука собирается увезти из отчего дома... Может, пустые угрозы сварливой бабы, а может, и скверное будущее разлученной семьи.

– Хотите вы, чтобы мы уехали? Да? – допрашивала Софья.

– Не хочу. Мне Васятка дорог, он кровь сына моего, Феденьки.

– Тогда выгоните Грязного. Не нужен Шпынь-голова нам!

– Так не могу из двух внуков одного выбрать.

Софья осела на лавку, скомкала в руках подол платья.

– Внука? Это что ж получается?

– Брат он твоему Ваське. Сын Федин.

– Да как же... Чей?

– Соседка одна... Не устояла...

– Замужняя шлында? Были разговоры, слышала да уши закрывала. Очередной позор на дом наш!

Матвейка с Васяткой возились, не вникая в распри взрослых. Младший вцепился в хвост кота, а старший отцеплял ручонки его. Уголек возмущенно мяукнул, вырвавшись из плена, вскочил на поставец и спрятался за большим кувшином. Тот зашатался, упал на пол и разлетелся на черепки. Как худой мир в избе Вороновых.

Все посмотрели на разбитую посуду. Акси́нья опустилась на колени перед кувшином. Жаль. Доброе судно³, с отцовским клеймом на донце.

– Машка родила его. В нашей бане родила. От моего сына. – Анна вдавливала слова в растерянное лицо невестки.

– Так, может, не его. Мало ли с кем...

– Ты посмотри на Матвейку. Он на Федьку похож боле, чем Васька. Лицо одно, повадки те же. Мой внук.

В далеком 1598 году открылся грех замужней соседки Марии. Понесла она не от маломощного Матвея Фуфлыги, законного мужа, а от Федьки Ворона. Припадочный Федька мужчиной в деревне не считался, но обрюхатил Машку во время одной из жарких ночей. Муж бабу избил и выгнал из дому. Вороновы ее приютили, но огласки боялись пуще пожара. Машку муж все ж простил, забрал вместе с сыном, нареченным в честь него, из Еловой уехал. С той поры Вороновы ничего не знали о судьбе Матвейки. Рождество 1608 года вернуло Анне внука, а Акси́нье – братича⁴.

* * *

Коляда, коляда,
Ты подай нам пирога.

³ Судно – русское название посуды, из которой вкушали пищу.

⁴ Братич – сын старшего брата, племянник.

Пряников медовых,
Яблочек моченых.
Кто не даст пирога —
Мы корову за рога
Уведем со двора.

– Софья, дай детишкам коврижек.

Молодуха отворила дверь, выпустила в избу морозный воздух и стайку колядующих девок и парней в вывернутых тулупах, с измазанными золой лицами и куражом в глазах.

– Угощайся, коляда, – протянула Софья коврижки.

Угощенье мы возьмем
И колядку вам споем.
Ты с пятнистой рожей
Напугать нас можешь.
Чертом ты отмечена,
Он прискачет вечером.
И невестушка твоя —
Та ёнда⁵ последняя.
Не от мужа родила —
Кузнеца скалечила.
Ведьмы сглазливые обе —
Тьфу, все стойте на пороге.

Софья отшатнулась, молодежь громко хохотала, радуясь, что так ладно спел высокий паренек с хриплым голосом.

⁵ Ёнда – гулящая женщина.

«Средний сын Дарьи, Глебка», – поняла Аксинья. И тоже злобой полон. Как и мать.

– Берите ковриги, идите прочь.

– Коляду прогоняете, – кривлялся Глебка, тарасил наглые бледно-голубые зенки. Остальные молчали.

– Еще раз к дому моему подойдешь – пожалеешь. – Аксинья в злости забыла об осторожности. Выхватив из рук Софьи блюдо с коврижками, она кинула их под ноги колядовщикам:

– Ешьте, коли не подавитесь.

Они выскочили из избы, будто ошпаренные. Постряпушки валялись на соломе, устилавшей пол.

– Матвейка, подними. Не дело хлебу валяться, – кивнула Аксинья.

Мальчишка собрал коврижки, две из них отправил в рот. Вечно голодный.

– Не могу я так больше, – всхлипнула Софья. – Ваши грехи намертво ко мне прилепились.

2. Дурная слава

Ванька рос толстым, пухлощеким, спокойным. Аксинья ощущала его тяжесть и приятное сопение. Серо-зеленые глаза с веселым любопытством уставились на нее. Светлый пух на голове, изогнутая луком верхняя губа. Мальчонка втянул воздух, захватил губами ее рубаху, натянувшуюся на груди.

– Молоко чует, – улыбнулась Аксинья. – Помнишь, карапуз, как кормила тебя?

Катерина неласково посмотрела на соседку, забрала Ваньку, прижала к себе.

Быстро все забылось. Ванька, Семенов сын, появился на свет тем же летом, что Аксиньина Нюта. Первые полгода Аксинья кормила, жалеючи, соседского каганьку⁶. Мать его, Катерина, осталась без молока по прихоти природы и каждый день носила к соседке сына. В разбухшей груди Аксиньи молока хватало на двоих с избытком: к одной груди она прикладывала крикливую Нютку, к другой – спокойного Ваньку. Катерина таскала гостинцы, ревела от избытка благодарности, кланялась до земли.

Маланья, мать Семена, на соседку крысилась, не рада была, что Аксинья спасла внука. От злобы той нашла она выход – приискала в Соли Камской козу с козленком, привела ее в свой хлев, Ваньку поить стали жирным козьим молоком.

⁶ Каганька – ребенок, младенец.

Сейчас поехала вздорная Маланья гостевать у сестры в Соли Камской, лишь потому Аксинья с Нюткой пришла к соседям.

– Поженим Нютку твою с моим Ванькой, а, Аксинья? – Семен хлопнул дверью и требовательно повел бровью. Катя подскочила с кувшином, полилась тонкой струйкой водица, мужик зафыркал, ополаскивая лицо.

– Да что ж загадывать. Рано еще.

– А можно Илюху, он постарше. Глянь, серьезный какой, основательный муж будет.

Пятилетний Илюха, наголо стриженный, смотрел на гостей волчонком. Когда понял он, что отец говорит о нем, то хмыкнул недовольно.

– А ты молчи, неслух. – Отец отвесил ему легкий подзатыльник. Илюха надулся.

– Хороший жених, – одобрила Аксинья.

– У нас не срослось – так пусть Илюха иль Ванька... – Недосказанное повисло в воздухе. Не жалел Семен жену свою, будто неживая она, истукан, не уловила взглядов и намеков, что щедро бросал ее муж гостье.

Внезапно мальчонка подскочил к Аксинье и пнул со злостью по ногам. Она отшатнулась и в недоумении посмотрела на Илюху. Сил у пятилетки, конечно, немного, да дело не в синяках, а в уважении.

– Ты чего творишь, олух? Зад по розгам соскучился? – Семен закричал так, что проснулся Ванька, а Нютка недоумен-

но вытаращила глаза-блюдца. – Иди к отцу! Куда полез!..

Илюха с проворством белки залез на полати, что приколочены были под потолком и использовались редко, семье хватало места и по лавкам.

– Да оставь его, он малый совсем, не понимает, – проговорила Катерина со слезами в голосе.

– Не до него сейчас. Пусть наверху посидит да подумает о поведении своем. Розги наготове у меня. – Он снял со стены внушительного вида гибкий прут.

– Спасибо за гостеприимство. Пойдем мы. – Аксинья поклонилась хозяевам, взяла на руки дочь.

– Провожу вас. Псина у нас злая, покусать может. – Семен опередил Катерину.

Женка склонила голову. Аксинья заметила недоверчивый взгляд, что бросила Катерина на мужа. Бойтся греха. Аксинья на ее месте тоже боялась бы, пуще золота мужа берегла.

Семен с соседкой вышли в теплые сени.

– Ты помощи моей проси. Без мужика тяжело. – Дочка возмущенно запищала, Семен слишком близко придвинулся к Аксинье. – И ребенка одна растишь. Я ж рядом.

– Жена у тебя, Семка. Сыновья.

– Да что жена... Ты знаешь ведь.

– Не балуй, не надо. Я довольно нагрешила... До конца жизни не расплатиться.

– Как знаешь. Но я тебе сказал. – Неожиданно он впился в ее губы, просунул пахнувший ячменным пивом язык, сжал

руками. – Не забывай про меня.

– Дочку раздавишь, – отстранилась Аксинья. Во рту остался хмельной вкус пива и Семкиной похоти.

– Я своего добьюсь. – Он открыл дверь и свистнул псине. Та облаивала Аксинью, кидалась, рвалась к гостям. Семен прицепил толстую веревку к кожаному ошейнику, потрепал сторожа по загривку.

– Держи, Семен, своего пса на цепи. И себя держи, – сказала она скорее себе, чем охальнику.

Аксинья вышла на крыльцо и вдохнула свежий воздух. Не надо ей в гости к соседям ходить и наедине с Семеном оставаться. Бедовый. Зря приняла приглашение его. К Семену ходить – чертей дразнить.

– Ты что взбаламученная такая? – Анна сразу почуяла неладное. – Обидел кто? У Семки что случилось?

– Все хорошо, матушка. Твое как здоровье, болит спина?

– Лучше, Оксюша, лучше, – уверяла Анна. Себя бы убедить.

Той ночью Аксинья долго не могла уснуть, крутилась с бока на бок. Все тело будто горело под ночной рубахой, набухшие соски терлись о грубую ткань. Когда темнота полностью поглотила избу, Нютка подняла дикий крик. Аксинья зажгла лучину, вытащила мокрый мох из люльки, обмыла гладкое тельце и приложила дочку к груди. Требовательными движениями дочка втягивала сосок, кусала его, мусолила нежную кожу. Вместе с болью пришла сладкая истома, и, досыта на-

кормив Нютку, Аксинья забылась муторным сном.

Чьи-то руки требовательно шарили по ее телу, щипали грудь, растирали срамные места, а она кричала так, что перебудила, вестимо, всю деревню. Пыталась открыть глаза, посмотреть, кто творит с ней похабство, но темный платок застилал свет, царапал веки, и Аксинье оставалось лишь смириться со своим поражением.

Много срамных снов на одну заблудшую бабу.

Чуть свет появился ожидаемый гость. Игнат принес шмат розового сала, завернутый в рогожу. Васька, Матвейка и Уголек возились возле стола, жадно вдыхали чесночный аромат угощения.

– Под ногами не крутитесь! – шикнула Аксинья и налила гостю травяной настойки. – Рассказывай, Игнат.

– Подмогни, Аксиньюшка. Мочи нет – руки ломит. Молот возьму иль топор – хоть волком вой. Младшего брательника, Глебку, взял в подручные, а сам немочный, как старик. Младший насмехается...

– По младшему твоему, хоть и вырос, детина, розги плачут. Работаешь много, тяжести поднимаешь, себя не жалеючи...

– А что младший-то мой? Сотворил что?

– Да так, я к слову, – не стала Аксинья рассказывать о святочных пакостях Глебки. – И мазь, и растирка, и травы здесь, – протянула она заулыбавшемуся Игнату сверток.

– Вот спасибо. А поможет ли?

– Должно помочь. С полмесяца еще промаешься, а потом с Божьей помощью...

Игнат перекрестился.

– Нужно здоровье мне, детей поднимать. Худое время нынче.

– Что в Москве? О чем люди говорят?

– Васька Шуйский жиреет, Шубником, слышал, его кличут. Людишки богатые – купцы да посадские – поддерживают ево. Мол, крепостным теперь хозяина менять нельзя. Пятнадцать лет искать будут.

– Ой, страсти, – вздохнула с печки Анна.

– А ты, соседка, приболела?

– Как упала на дороге, на Всенощную шли, так мается матушка.

– Мне уж помирать пора. Старая...

– Не говори такое. Легче станет еще.

Анна ничего не ответила дочери. Не помогут снадобья знахарские. Становилось хуже с каждым днем.

– От Григория вести?.. – Игнат вопрос начал да осекся. Не к месту вспомнил старшего товарища. Часто говорил не думая. «Торопыга», – дразнила его жена Зойка.

– Не знаю ничего. Да какие вести... Откуда они придут-то... Обдорск – край земли.

Аксинья не понимала уже, как к мужу своему относится. Любовь ушла, растворилась в мареве тех страшных событий, что перевернули жизнь с ног на голову. Ненависть питала ее,

кусала сердце, подтолкнула к великому греху. Да тоже рассыпалась на части, когда Акси́нья увидела, в кого превратился Гришка в соликамском остроге. Был сильный и нахальный мужик с пудовыми кулаками, обратился в чахоточного заморыша.

Жалость? Наверное, именно она отзывалась в ней всякий раз, как вспоминала она мужа, как представляла маету его в Обдорском остроге... А то и колола нечаянным острием мысль – вдруг не дошел до места, помер в дороге, сгорел в лихорадке, жалкий, безрукий, беспомощный.

– А зачем ей про мужа весточка? У нее новые хаха...

– Софья, закрой рот. – Анна и чуть живая спуску не давала.

– ...ли.

– Пойду я. Спасибо, Акси́нья. Вам здоровья. Дети, не балуйте. – Игнат спешно покинул избу. Как и все мужики, боялся он свар бабских и ругани.

– Ты хоть людей бы, Софья, постыдилась.

– Люди уже бают, что с Семкой ты по углам тискаешься.

– А ты и рада хвостом сплетни собирать.

Невестка фыркнула.

– Как жить-то будете, когда я помру, – бормотала Анна, не сдерживая слез.

Васька сразу захныкал и подбежал к печке: мол, посадите меня, бабушку утешать буду. Анна прижала к боку теплое мальчишечье тельце и заснула.

– Совсем плоха она, – прошептала Аксинья.

– Ты знахарка, так лечи.

Не было сладу с тихой прежде Софьей, любимицей Вороновых, верной женой Федьки. Казалось порой Аксинье: когда Софья потеряла мужа, то с горя умерла, а вместо нее стала в избе жить кикимора, зловредная, сварливая. Каждый шаг Аксиньи она хаяла, каждое слово обливала грязью.

* * *

– Хозяева дома? – зычный грудной голос заполнил избу. Аксинья выдохнула радостно: пожаловала к ней та, с кем можно отвести душу.

– Проходи, Параскева, милости просим.

– Здравствуй, хорошая моя. – Они троекратно поцеловались, обнялись как сестры.

Прошлым летом Прасковья Репина с братом и детьми, спасаясь от ужасов Смуты, просила приюта в деревне Еловой. Староста Яков поселил семью в доме одинокой Еннафы. Грудастая веселая Параскева изо всех сил пыталась стать своей в деревне. Хлебосольная хозяйка и заботливая мать, она всегда была готова помочь еловским. Сидеть с детишками, трепать лен, ткать холст, стряпать – только позовите. А звать не спешили. В деревне настороженно относились к пришлым. Чужой человек – темная душа. К Параскеве и семье ее приглядывались, оценивали, но держались насторо-

женно. Еннафа, обозленная на весь свет, распускала сплетни про жилицу: мол, мужа отравила, а брат ее – и не брат ей вовсе, а любовник.

Параскева только цокала языком и беззлобно ругалась:

– Пустобрехая, экие небылицы придумала! Никаша брат мой младший, крест вам, бабоньки.

Кто верил, а кто нес дальше срамную весть о новых поселенцах за пределы деревеньки. Параскева доброжелательно кивала Аксинье при встрече, но впервые заговорили они в разгар прошлого лета, во время страды. Тот самый Никаша зашиб бок, свалившись с лошади. И Еннафа привела его, чуть не притащила на своих могучих плечах к знахарке.

Скоро стали Прасковья и Аксинья если не подругами, то людьми близкими. Вместе пряли долгими вечерами, стирали на речке, делились секретами, вспоминали прошлое, обсуждали проказы и недуги детей. Прасковья рада была поговорить о десятилетке Лукаше – и скромница, и хозяйюшка, и пригожа собой, скоро невеста, о ровне Нютки – Павке, озорном и непоседливом мальчишке.

– Здравствуй, Прасковьюшка. Как сама ты? Как дети? – Софья не выказывала неприязни к гостье.

– Лукерья убежала гадать, а Никашка с Павкой колядуют где-то. Пусть дети забавятся, пока пора молодая.

– Твоя правда. Это у нас, поживших, все забавы – яство съесть да песню спеть.

– Ты, Аксинья, себя к старухам не причисляй. Ты у нас в

самом соку, – подмигнула Параскева.

– Не поверишь, чувствую себя... как кобыла заезженная.

– А сколько годочков тебе?

– Четвертушки нет.

– Ох, да я в твои годы козой скакала.

– Отпрыгала свое козочка Аксинья, – влезла в разговор невестка.

– А ты, Софка, старуха. Ворчливая скареда, – не смолчала Прасковья. – Вот соседка у меня такая была... Ворчала, ворчала, так и сморщилась. Ссохлась от злобы своей.

Софья фыркнула, подхватила на руки сына и скрылась в светелке, где и проводила теперь большую часть своего времени.

– Ушла, и слава богу.

– Я к тебе не просто так пришла, по делу, подруженька.

– Рассказывай. Заболел кто из твоих?

– Да, угадала ты. Можем посеCRETничать?

– Можем, в клеть пойдём. Холодно там, зато не услышит никто.

Аксинья отворила дверь, ведущую в комнатку. Отец расширил ее, пристроив с юга еще клетушку. Клеть вся была заставлена, завалена: сундуки с одеждой, утварь, связки лука и чеснока. Аксинья расчистила место на лавке.

– Когда-то отец посадил меня под замок. Несколько дней здесь сидела, судьбу кляла.

– Что ж сотворила ты?

– С мужем будущим своим по лесам ходила, травы собирала.

Параскева залилась громоподобным смехом.

– Ой, шалунья ты, Аксиныюшка, – просмеялась. – Дело молодое, все такими были... Вот и братец мой... учудил.

– Рассказывай уже.

– Как сказать-то...

– Да не узнаю тебя, что мнешься-то? Я все пойму.

– Никашка уж вторую седмицу смурной ходит. Как будто умер кто у парня. А мне не говорит ничего.

– И?..

– И чешется, как шелудивый пес. Ну я думаю, вошки грызут. Дело обычное.

– Оказалось, нет?

– Прижала к стенке детинушку. Все рассказал.

Параскева, начисто лишённая стыдливости и скромности, поведала без утайки братнин секрет.

– Сразу я тебе не скажу ничего. Подумаю, вспомню снадобье. Ты не печалься, исцелим твоего курошупа.

– Ох, благодарна как тебе... И ведь мало к кому с бедой такой пойдешь. Так бабы языками чешут...

– Надобно мне посмотреть на твоего Никашку.

– Не дастся, колоброд. Он ж горазд был по девкам бегать...

– Уговори, заставь. Сама придумай, как приведешь братца ко мне.

Аксинья взяла небольшой ставец с лучиной и открыла клеть. Открыв огромный сундук с резной каймой, она ласково погладила вышитые узоры на красном сарафане. Венчание, пьяные поздравления, хмельные поцелуи мужа. Счастье растворилось в прошедших годах, обернулось горестями. Нарядные душегреи, летники, опашень с беличьим мехом... Недолго богатству осталось пылиться в сундуке. «Не надо жалеть о вещах, надо думать о душе», – вспомнила она отцовские наставления.

Аксинья спрятала заветную книгу, дар Глафиры, на самое дно сундука. Старинный лечебник, «Вертоград», по крупницам собрал мудрость русских и иноземных знахарей, владельцу своему он грозил наказанием, люди настороженно относились к ведовству. Муж Аксиньи ярился, грозил сжечь опасную книжицу, но намерение свое так и не выполнил. Убористые строки с заостренными буквами, искусно выполненные рисунки известных и заморских трав, тяжелые страницы, истреппавшийся кожаный переплет – и все это в обычном сундуке деревенской бабы, Аксинья улыбнулась. Но скоро лицо ее померкло. И с этим сокровищем скоро ей придется расстаться. Настанет срок.

Анна спала, тихо постанывая, слюна стекала с уголка ее рта. Аксинья стерла желтоватую водицу, потрогала лоб матери. Уж две седмицы она почти не вставала, но не жаловалась, только стискивала зубы. Дочь перепробовала все средства, единственное, что оставалось – утихомиривать боль мако-

вым молоком. Бессилие сводило Аксинью с ума, и она надеялась найти в лечебнике средство не только для тайной болезни Никашки, но и для материнного недуга. Да в глубине души понимала, что надежда ее напрасна.

Страницы «Вертограда» хранили многовековую мудрость, и Аксинья потеряла счет минутам. Отвлек ее громкий вопль Васьки, разбудивший Нюту и мать, переполовший всю избу.

– Ты что за ребенком не смотришь? – выскочила из светлицы Софья.

– Не твой разве сын?

– Что... что у вас? Дочка, дай попить, жажда мучит.

Аксинья протянула матери ковш с квасом, одновременно силясь понять, что же случилось у непоседливого Васьки.

– Руки-то его, глянь только! Исцарапаны Каином. Это найденыш ваш. Говорила я, кого пригрели на шее!

– Васенька, иди к тете. – Аксинья склонилась над мальцом, тот уже успокоился и улыбался ей, ласково водил рукой по ее лицу. – Матвейка не кот, царапаться не умеет.

– Не оборванец, так кот твой нахратит сына моего?

– Ты сама видишь, Васька Угольку покоя не дает, за хвост таскает, кто ж утерпит. Царапины малые, ничего дурного не случилось.

– Тебя послушать, так... Книги ведьминские читаешь, – Софья кивнула на лечебник, – уморить всех нас хочешь.

– Подойди, – прошептала мать, когда невестка ушла. – Бо-

юсь я ее, Аксинья. А как наговорит на тебя, ты же знаешь, чем грозят обвинения такие...

– Не скажет, побоится, да и родственница я ей. Если меня обвинят, то и Софья с Васькой пострадают. – Аксинья успокаивала мать, но сама уверенности не испытывала.

Скольких уже она лечила, вытаскивала из силков смерти. А кому-то помочь не смогла. И каждый из тех людей может назвать ее ведьмой, той, что служит нечистой силе.

* * *

Улыбка ее переворачивала все нутро, заставляла сердце биться быстрее, наполняла счастьем обладания. Будто она не мать двоих его детей, а любовница, с которой встречается он в укромных местах. Ночью он сжимал женщину в своих объятиях, вдыхал запах волос, гладил пышную грудь.

– Зайчик, зайчик мой, – шептала и постанывала, и бесстыже наклонялась к его чреслам, и вбирала его в себя, и исходила соком...

– Ульяна! – не помня себя, закричал он и вылил свое семя. Покой снизошел на него, убаюкивал в объятиях, он погрузился в глубины сна, благо до утра еще далеко. Сквозь сладкую дремоту мужчина услышал чье-то всхлипывание. С трудом вынырнул из глубин сна, обнял женщину, но она гневно сбросила с себя его руку.

Поутру он проснулся на лавке один, поправил порты – уд

оттянул ткань. Сын Тошка возился в углу, строгал березовое полено на лучины. Он обрадованно подскочил к отцу:

– В лес поедем сегодня, а?

– Святки прошли, отгуляли – и делом пора заняться. По-едем!

Тошка завопил радостно:

– Аиии!

Девять лет парнишке, взрослый уже, а порой сущий ребенок. Его сын. Его гордость. Мужчина отогнал воспоминания.

– Мать где?

Тошка скривился:

– Она пошла куда-то. Не знаю я. Нюрка – вон дрыхнет еще. Лежебока.

Дочка спала, забавно сложив руки кулачками. Рыжее облако вьющихся волос, курносый нос, характер – огонь. Вся в мать. Бело-розовая проплешина разредила справа волосы. Жалко девку, облила себя кипятком по малолетству.

– Отец, можно разбужу?

Заяц кивнул.

Тошка подскочил к спящей сестре и замычал ей прямо в ухо:

– Муууу, вставай, засоня! Муууууу!

– Тошка-тошношка, отстань, – бурчала пятилетка, но брат не сдавался.

Георгий Федотов, по прозвищу Заяц, натянул дырявый кожаный кафтан – теплый кафтан и вышел во двор. Кто ж знал, что

парень, которого дразнили, не смолкая, все соседские ребятишки, станет уважаемым хозяином. Пусть примаком пришел он в Еловую, но выстроил новый дом, все переделал под себя и свою семью. Никто слова худого про Зайца сказать не может. И забылось уже уродство его. Кто обращает внимание на верхнюю губу взрослого мужика? Не девка на выданье.

Снег, выпавший ночью, запорошил крыльцо, двор. И сейчас крупные снежинки падали, застревали на ресницах, бровях, щекотали нос. Гошка чихнул. Жена супротив обычного не вычистила крыльцо, остались только крупные ее следы, ведущие куда-то за ворота. Заяц недоуменно хныкнул и сдернул порты. Он в своем дворе, сам себе указ. Желтая струя прожгла снег, узор оказался похож на ушастую голову тетки.

– Хех, заяц и тут, – ухмыльнулся он, и внезапная догадка обожгла его хлеще, чем горячий бок печки. – Ульяна.

Будь она неладна. В гробу давно истлела брменная оболочка, а душа покоя не знает.

* * *

– Аксинья, ты лицо не отворачивай. Совет твой нужен.
– Марфа, никогда мы с тобой не были... подругами.
– Были не были, не до того мне. Я муки тебе дам, зерна, что захочешь. – Всегда властная Марфа смотрела на Аксинью просительно.

– Заходи. – Аксинья отперла незаметную калитку, что соединяла дворы Вороновых и Пырьевых. Вечность назад. Никто калиткой теперь не пользовался, кроме Тошки, который иногда проскальзывал в избу Вороновых.

– Проходи, Марфа. – Аксинья не звала соседку в дом, указала на скамейку, недавно чищенную Матвейкой от снега.

– Дай зелье какое... чтобы от тягости избавиться.

– Ты брюхата? – Аксинья застыла в удивлении.

Марфа Макеева, овдовевшая лет пятнадцать назад, казалось, не способна была стать матерью. Деревенские бабы разносили когда-то слухи о ее ночных гостях. Многие из еловских мужиков побывали в объятиях пышногрудой Марфы, и муж Аксиньи Григорий, возможно, был в их числе. С Гошкой Зайцем Марфа жила уже второй год, и такой подарок...

– Брюхата я, уже месяца два как поняла. – Волглые серые глаза подернулись влагой. Марфа зашмыгала и вытерла широким рукавом нос.

– Радуйся, мужу-то сказала?

– Что ему говорить...

– Сдурела ты, что ль? – не думала Аксинья, что будет таким тоном говорить со злостью Марфой.

– Да никто Зайцу не нужен, окромя змеи...

– Кого? Да говори ты толком, нет времени у меня загадки твои разгадывать!

– Ульянка, змея... Она все... И из могилы тянет его к себе... Каждую ночь зовет ее...

– Не забыл еще первую жену, крепко он ее любил...

– Так говоришь, будто не строила она козни против тебя...

– Померла Ульяна, и не нам судить ее за грехи. Много она зла мне сделала, и то правда.

– Не верю я Зайцу, не нужна я ему, и ребенок мой поздний.

– Неужто ты не хочешь родить?

– И хочу, и боюсь.

– Марфа, всякую околесицу собираешь. Ты скажи мужу толком, расскажи, что печалит тебя. Он мужик хороший, поймет. Отправь Гошку в церковь молиться... Иль ко мне, я травки дам, чтобы успокоился он. Да и все у вас ладом будет.

– Аксинька... – Марфа порывисто прижала ее к себе. – Большая моя благодарность к тебе.

– Да полно, иди. – Знахарка смотрела на погрузневшую Марфу, осторожно пробиравшуюся по снегу.

Причудлива судьба.

Марфа стала женой Зайца, понесла от него и теперь доверяет тайны свои Аксинье. Как когда-то Ульянка.

От обеих можно ждать любой пакости. Только Ульянка, Рыжик, уже сотворила все возможные козни против крестовой подруги. Как ей на том свете? Аксинья перекрестилась. А Марфа тут, рядом... И мечется, не знает, что делать с пузлом своим.

– Матвейка! – Аксинья окликнула выскочившего на крыльцо парнишку. – Воды с колодца принеси.

Поднимаясь по скрипучим ступеням крыльца, она услышала громкий плач Софьи и хныканье дочки.

– Гореее... Хворь на детей напала, Аксинья. Посмотри на Ваську, на Нютку. – Софья в слезах убаюкивала сына.

Вся мордочка Васятки усыпана красными бляшками, у дочки уже тельце пошло волдырями.

– Хворь, что ветер приносит... Не кричи, Софья, не пугай детей.

– Найденыш ваш принес заразу! Он, он все! – причитала та, крутила сына, как тряпичную куклу.

– Матвейка, иди ко мне. – Аксинья сняла с испуганного парнишки тулуп и рубашку, оглядела костлявое тельце.

– Вот и вот... Он переболел уже давно, выбоинки остались.

– Не может быть... Он, он это...

– Нет, Софья. Кто-то другой. Но сейчас по деревне пойдет. Для детей хворь эта – безделица, а взрослого может уморить.

– Ты перенесла в детстве, – откликнулась с печки до того молчавшая Анна. – Можешь не бояться. Гречанка, помнится, говорила...

– Да я ничего уже не боюсь, – устало улыбнулась Аксинья.

Несколько дней бабы не спускали глаз с детей, протирали волдыри водным настоем, поили бульоном. Когда они отвлекались на хозяйственные заботы, Матвейка брал на себя уход за детишками.

– Не зря голодранца взяли. – Из уст Софьи слова звучали наивысшей похвалой.

В следующие недели для Аксиньи нашлось много дел – по еловским домам пошла ветряная хвороба. Старая Маланья чуть не ушла на тот свет и лишь усилиями знахарки выкарабкалась.

– Мать, Аксинью-то поблагодари, – напомнил Семен, жадно следя за быстрыми движениями Аксиньи, протиравшей выболевшие пятна на лице и теле старухи.

– Что ее, ведьму, благодарить... Могла бы – уморила меня. Да Бог хранит. – Упрямая старуха не сдавалась.

Семен усмехнулся и протянул Аксинье горшочек, закрытый куском бересты. Аксинья отодвинула крышку, вдохнула терпкий, летний запах пчелиного клея – узы⁷.

– Вот спасибо, Семен, редкое средство.

– Долго я его собирал, по крупичам. Тебе надобно...

– Многим поможет... Спасибо. Пойду я, Семен.

Он хотел что-то сказать Аксинье, но осекся, поймав на себе злой взгляд матери. Будто малолетний мальчишка, не может противиться ей. И гнетет сила ее, и защищает, оберегает от житейских бурь. Как в далеком детстве.

⁷ Уза – прополис.

Она пела о милком, что уехал на чужую сторону и бросил ее. Голос, сильный, звонкий, доводил до мурашек.

Миленький ты мой,
Да на что оставил ты меня,
Забери с собой,
Буду я тебе жена.

Счастье – обладать такой красой. Рыжик возилась у печи, рядом крутились сын и дочка, они мешали хозяйке и получали от нее шуточные оплеухи.

– Когда ж подрастете? Свекла закончилась, в подпол лезть. О-ох.

– Ты не лезь, я сам схожу! – крикнул Заяц, но жена почему-то его не слышала.

Она взяла светец в левую руку, правой открыла дверь в темный погреб. Узкая неудобная лестница зимой покрывалась наледью. Руки не доходили новую сколотить, все в избе не по-людски, Лукьян Пырьев, отец Ульянки, криво-косо строил, о семье не думал. Все Зайцу переделывать надобно.

– Схожу я, Ульянка. – Гошка подошел к жене и пытался выдернуть светец из ее пальцев. Ничего не получилось, она и не заметила его. Будто бесплотный он, из воздуха сотканный.

По-прежнему напевая, Ульяна спускалась по лестнице. Гошка Заяц в страхе смотрел вниз, следя за огоньком.

Миленький ты мой,
Да на что оставил ты меня,
Да не взял с собой,
Видно, не нужна...

Грохот. Вскрик. Опустившееся вниз сердце. Не хватает воздуха.

Песня оборвалась. Жизнь его оборвалась.

Миленький ты мой,
Да на что оставил ты меня,
Да не взял с собой,
Видно, не нужна тебе жена.

Жива! Крепкая, настоящая баба. Нижняя ступенька на честном слове держится. Давно обещал себе сделать, да все некогда.

На ощупь Заяц спускался в подпол, темнота отступила, спряталась по углам. Лучина выпала из светца, огонь занялся на дощатой обшивке короба с морковью да репой. Заяц закидал землей прожорливого зверя. Встал на колени перед распростершейся на земляном полу женой.

Свернутая шея, струйка крови, вытекшая из пухлого рта, что так любил он целовать. Не могла она уже петь о милом.

Жена мертва. И он виноват.

С громким криком Заяц проснулся и прижался к теплому боку Марфы.

– Зайчик мой, все хорошо, – гладила она его по голове, будто малого ребенка.

– Я спать боюсь, каждую ночь она.

– Это диавол искушает. Борись с ним. У нас дитя будет. Ты слышишь?

Заяц кивнул и крепче прижался к жене. Бог дал надежду.

* * *

Аксинья выгнала из избы все домочадцев. Почти всех. Мать спала на лежанке, дочь – в люльке.

Парень несмело зашел в избу.

– Зд...здо...роввья ввам. – Еще и заика.

– Не бойся ты меня.

– Не хочу я. – Слишком белая, чуть прозрачная кожа его лица покраснела. Как гребешок у петуха. Аксинья подавила неуместный смешок.

– Скидывай порты. – Она закрыла дверь на засов.

– Не будду.

Будто не шестнадцать лет парню, а в два раза меньше.

– С бабой в Соли Камской кувыркался? Кувыркался, – ответила за парня Аксинья.

Тот молчал, вперившись в иконы. Может, просил о за-

ступничестве?

– И болезнь худую передала баба?

– Мож, не онна...

– Не покажешь место срамное – не помогу тебе. Будет и дальше болеть, зудеть, а то и отвалится.

Никашка распустил веревку. Последняя угроза явно проняла его, заставила забыть про стыд. Порты упали на пол.

Аксинья указала парню на лавку возле печи, куда падал свет от печи и трех лучин в ставце.

– Форма малая... Червонные волдыри... Часть воспаленная, часть подживает. – Аксинья рассматривала чресла парня и пыталась отвлечься от мысли о странности положения своего. Она на коленях перед молодым мужиком. Надавила пальцем на волдырь. Красный.

Никашка подскочил, потерял равновесие и чуть не упал, в последний момент уцепившись за Аксинью. Тут уже не выдержала, расхохоталась. Рубаха закрывала срамные места парня, но он пытался руками оттянуть ее ниже. Было что прикрывать. Аксинья внезапно почувствовала себя молодой. Парень лет на много младше ее, сущий мальчонка, борода с усами еле пробилась на гладком лице, а плоть его вон как засвербила от одного касания знахарки.

Никашка натянул порты и несмело улыбнулся.

– Иди домой, обойдется все. Сестра твоя придет – ей все расскажу. Сам все равно не упомнишь.

– Спасибо, – склонил голову парень и выбежал из избы.

Аксинья долго терзала руки щелоком. Глафира рассказывала, что иноземцы именуют такие хвори венерическими проказами, исцелить человека от них – маета долгая и хлопотная. За несколько лет хворый человек в развалину может превратиться.

Яйцо вареное на хлебном вине настаивать да есть. Пленки с яйца куриного прикладывать. Отвар корня лопуха пить. С полдюжины снадобий нашла Аксинья в «Вертограде».

Каждый раз, отыскав нужное зелье, Аксинья чувствовала прилив сил. Одолела болезнь, победила бесов. Потому не могла оставить рискованное знахарство – кто она без него? Жена-изменница, гулящая девка, грешница. «Ёнда» – всплыло словечко, которым когда-то одарил ее безногий нищий на паперти соликамской церкви и совсем недавно – коляды. А со знаниями своими она знахарка, которой все кланялись.

Гордыня властвует над ней, и не желает Аксинья от нее отречься.

3. Поборошь змея

Вопреки обыкновению морозы ударили после Святков. Дни и ночи снег падал с неба, укутывая землю, как заботливая мать больное дитя.

Русская земля действительно была нездорова. Смуты, восстания, распри сотрясали ее не первый год. Царевича невинного убили, говорили старики, с того пакость и началась. Бориска Годунов Бога прогневал, нельзя басурманину царем становиться, кричали вторые. Ложный царь, расстрига Гришка Отрепьев всему виной, ляхов привел на землю Московскую, возмущались третьи. А кто-то поносил матерными словами нынешнего царя Ваську Шуйского.

При Годунове выведывал он правду об убийстве царевича Дмитрия. Сказал честному люду, что Бориска не виновен. Потом кричал на всяком углу о вине царя. Присягал самозванцу Гришке – и он же возглавил переворот. Где найти веру такому царю? В закоулках души русской найдется место и для прощения, и для гордости, и для поклона земного сильному властителю, но не сыскать ни горстки доверия к вору, обманщику и лицемеру.

Василий Шуйский, в ком кровь Рюриковичей разбавилась давно в потоках родовитых кровей бояр, был таким властителем. Он силился угомонить русский народ, но смута полыхала багряным пожаром.

Зимой 1607 года на окраинах государства появлялись и множились самозванные цари. Весной новый Дмитрий признан был мятежными людишками. И народ родовитый, и казаки, и шляхтичи перебегали к самозванцу. Крестьяне с посадскими выживали кто как умел. Те, чья земля оказалась под пятой чужеземцев-ляхов или разбойников, брали в руки вилы и топоры. Те, кому посчастливилось жить в стороне от бурь, молились за судьбу Отчизны.

В дни, когда трескучие когти мороза стягивали деревушку, еловские больше сидели дома. Разговаривали, ругались, пели песни, ткали, плели веревки и сети, мастерили утварь, рассказывали сказки, воспитывали младших.

На Тимофея-полузимника поминали приметы: если снег глубокий, то хлеба хорошие уродятся. Мерили сапогом выпавший снег. Полголяшки закрыл – опять скудный урожай. Аксинья с Софьей проверяли закрома, вздыхали над скудными запасами. Вечером Анна отвлекала от грустных дум:

– Далеко от нас возвышается город Казань. Он... красив, велик. Сказывают местные, что когда-то жили там... змеи. Правителем был царь по имени Зилан. Змеиный царь грозен и жесток был, не любил он людей и велел подданным своим не пускать людей в царство свое. Кусали они окрестных жителей, убивали, держали в страхе. Однажды молодая девица пошла по грибы-ягоды, увлеклась да в чащобу змеиную зашла. Сгубили ее змеи, по крупицам жизнь выпили. Девицу погребли, а жених ее, богатырь... батыр по-ихнему, поклял-

ся изничтожить Зилана.

– А дальше что? – Матвейка, открыв рот, слушал сказку, Нюта на его руках тарасила глазенки, будто понимала что-то. Аксинья оторвалась от своих снадобий, а Васька заворуженно смотрел на бабушку. Даже Софья отложила веретено.

– Дайте передохнуть, тяжело бабушке. – Аксинью до глубины души ранила немощь Анны.

Спустя некоторое время пожилая женщина продолжила сказ:

– Нашел он кузнеца непростого, колдуна. Тот сковал ему меч, заговорами придал ему силы. Коня непростого дал, волшебного. Поехал богатырь навстречу змею. Тридцать три раза подступали к нему подданные царя змеиноного, но каждый раз рубил он их на части. Подъехал молодец к горе, внутри которой царь Зилан устроил себе логово. Крикнул: «Выходи, чудище змеиное!» Вышел Зилан, ударил хвостом, и волна прошла по земле. Ударил второй раз – сшиб богатыря с коня. Ударил третий раз... да хотел убить богатыря. Обернулся конь соколом волшебным, выклевал глаза змею. А богатырь изловчился да отрезал змеиный хвост.

Голос Анны становился все тише. Сглотнув слюну, она продолжила:

– По кускам резал богатырь Зилана... да взмолился тот: «Смилуйся, воткни нож в пасть мою! Не хочу я мучиться». Пожалел его молодец, сделал, как он просил. Внезапно вспыхнул огонь, охватил он меч богатырский и самого мо-

лодца. Оба они сгорели – и Зилан, и победитель его.

– Чудная легенда. – Аксинья подошла к матери, поправила одеяло. – Не сказывала ты ее в детстве нашем с Федей.

– Еще девчонкой я была, когда соседка-татарка... Путала она русские да татарские слова. Но мы ее понимали. Только сейчас вспомнила я сказку. Лежу, времени много... лежу, перебираю прошлое, что было, как жили...

– Сказывай еще, – попросил тихо Матвейка.

– Казь, – подтвердил Васька.

– Все мы, как богатырь, пытаемся побороть змеев, да сами рушим себя борьбой той, – неожиданно сказала Аксинья.

– А мне... мне... – нарушила долгую тишину Софья. – Мне с людской молвой бороться надоело. Вокруг змеи подколодные. И змееныш – вон, – кивнула она на Матвея, играющего с Васей. – Надоело мне скрывать. Уезжаю я... С сыном.

– Да куда ж ты поедешь? К родителям?

– Нет, не к ним.

– Так куда? – Аксинья не отступала от братниной жены.

– Нашла я дом нам. Васенька, иди сюда. Обними мать.

Софья

Почему одним Бог дает все: и внешность, и ум, и приязнь родительскую, и любовь мужскую? А кому-то пинки, тычки да уродливую личину? Софья с детства недоумевала, пыталась разгадать тайну. Да не получилось.

Родители считали наказанием свою уродливую дочь. Соседи прятали детей да скот подальше – вдруг сглазит. Девки дружить не хотели. Парни смеялись. А всего-то пятно на лице. Большое, темное. Но разве оно мешало Софьюшке быть доброй девкой, хорошей работницей? Девочка старалась изо всех сил получить одобрение людское. А все продолжали ее шпынять.

Потом стала гадить по мелочи: одной соседке кур отравила, ядовитое зерно подбросила в кормушку, о другой слух распустит неприятный. Внешне всегда тихая, скромная Софья не вызывала никаких подозрений и тем пользовалась.

Наступила и прошла пора девичьего расцвета, а никто к Софке-уродке свататься не спешил. Однажды на исходе шестнадцати лет затащила она на себя пьяного соседского парня. Утром их обнаружили родители, все честь по чести. А через день-два парень сбежал. Говорили, в Сибирь подался. Лишь бы не жениться на девке, меченной чертом.

К Феодоре за помощью Софья пошла от полной безнадёги. Не осталось у нее сил на жизнь такую. Веселая, самоуверенная Аксинья сразу ей понравилась. Вот такой бабой хотелось стать Софье. Замужней, бойкой, красивой, имеющей обо всем свое мнение и не боящейся его высказывать. Она осторожно расспрашивала Аксинью и узнала, что у той есть холостой брат. Что дальше делать, Софья прекрасно понимала. Напроситься в гости, а там...

Сначала Федька Воронов ей не пришелся по душе. Шуга-

ный, молчаливый, забитый. На нее вовсе не смотрит, все думает о чем-то, людей чурается. А потом разглядела: и добр, и красив, и строен, и кудри смоляные выются. Мечта, а не жених.

Софья начала охоту на Федю-дурачка. То улучит момент, когда старших дома нет, и в полуспущенной рубашке пройдет, то полы моет да подол задерет выше положенного, то коснется невзначай. Испугалась уже Софьюшка, что чары ее бессильны. Но вид рыдающей девки в полупрозрачной мокрой рубашке добил Федьку. Все у них быстро срослось, когда зареванная девка гладила по кудрявой голове парня, прижималась к нему упругой грудью. Приехавшие за Софьей родители нечаянно помогли: Федор испугался, что может милую свою потерять, и на следующий день они просили благословения Вороновых, скоро и свадьбу сыграли.

Софка-уродка получила ту жизнь, о которой мечтала. Красивый и добрый муж, снисходительные свекор со свекровью, ночные стоны и сытная жизнь.

Рождение Васятки наполнило существование Софьи радостью материнства. Да недолго рай на земле длился.

Сколько кляла она себя за то, что не запретила мужу помогать сестре-гулене! Ничего с Аксинькой не случилось бы, сама тюки с вещами дотащила бы до родительской избы. Смерть Феденьки разрушила ее ладный мир. Наверное, Софья не его самого любила, а жизнь с ним, хорошую, спокойную. Ей жаль было не мужа, что в расцвете лет покинул мир,

а себя – вдову с малым ребенком.

Она долго не могла прийти в себя, мучило ее сознание того, что она виновата, она недосмотрела, что в мужа запустят камнем и убьют. А Оксюшка виновата пуще нее: не жилось с мужем спокойно, захотелось хвостом крутить перед Строгановым. На всю родню позор и поругание навлекла.

Со смертью Василия Ворона жизнь семьи становилась все хуже. Продавали кружки да кринки, потом перешли на одежду. «Надо бежать, – осенью 1607 года поняла Софья, наблюдая за золовкой, кормящей дочь. – Двое детей, нищета подступает к нам». Еще молодой, ядерной бабе улыбнулась удача. Нелюбимые родители помогли дочке найти выход из ловушки. За одно это она простила им былые побои и насмешки.

* * *

Январь продолжал мучить пермских жителей выюгами да морозами. В один из тех дней, когда непогода завывала голодным волком и рвалась погреться у печи, Софья металась по избе и увязывала тюки с вещами.

– Ты скажи хоть, куда поедешь? Где жить будешь?

В настойчивости Аксинье не откажешь.

– Есть ли дело тебе, золовушка? Племянник у вас другой завелся, Васятка не нужен. Так нет вам разницы, где жить будем...

– Да что ж ты говоришь такое? Бесстыжая. – Аксинья покосилась на печь, где грелась мать. Не проснулась бы.

– Да, бесстыжая я! Федора забили камнями. Я бесстыжая. Свекор в лесу помер, сердце не выдержало. Я бесстыжая. Подонка неизвестного роду-племени приютили. Я бесстыжая.

– Не могу я с тобой говорить.

– Да и не надо. Все ли я взяла? Наряды мои... Одежда Васеньки... – Софья бормотала себе под нос, не обращая внимания на Аксинью. – Рушники, перины, скатерти...

После смерти мужа вдова из мужниной семьи могла забрать приданое свое, наряды, часть утвари. Но случаев таких – по пальцам перечесть. Редко кто решался выйти замуж во второй раз. Не по-божески.

Аксинья не помогала снохе в сборах, следила лишь за лихорадочными ее движениями. Смолчала о том, что нищенкой Софья пришла к Вороновым, не расщедрились родители ее на приданое. Сейчас невестка, запамятовав, укладывала в сундук лучшее из того, что хранилось из года в год в избе.

– Самое важное-то я и забыла. Матушка! – Софья решительно подошла к лежанке и стала трясти пожилую женщину. – Да проснись же ты!

– Плохо матери, не буди ты ее... Софья, разве не видишь?

– Плохо не плохо. Времени у нас мало.

– Что такое?.. Софьюшка. – Анна с трудом вынырнула из болезненной дремоты.

– Деньги в кубышке... Василий говорил мне, что припа-

сены они. Сынок мой – наследник, потому половина наша.

– Деньги... Подожди ты, голова болит...

Аксинья переводила взгляд с одной женщины на другую.

– Доченька, в предбаннике... Половица одна чуть отстаёт.

Под ней... – На большее сил у Анны не хватило.

Аксинья накинула старую душегрею, хлопнула дверью прямо перед носом Софьи. Баня встретила промозглым холодом, теперь топили ее редко. По смутным временам роскошь большая – дрова тратить. Аксинья встала на колени и принялась щупать доски.

– Не знала ты про кубышку? Не говорил отец. – Невестка уже в дверях стояла, кривила довольно рот.

– Отойди, свет не закрывай.

– Понимаю я тебя, печалишься, что деньги заберу. Мне приданое нужно, кто ж без него возьмет.

– Значит, замуж собралась...

– А что мне, гнить одной? Скоро жених мой подъедет, заберет нас с сынком.

– Рада за тебя, невестка.

– Кривишь ты душой... Но спасибо.

– Ой!

– Кусает банник?

– Заноза. – Аксинья беспомощно глядела на черную щепку, вонзившуюся в палец. Баня будто защищала тайник от внезапного вторжения.

Наконец нужная доска была найдена, и Аксинья извлекла

на свет грязный глиняный горшок с крышкой, наглухо запечатанной воском.

– Вот он, ладненький! – вскрикнула Софья.

Горшочек в избе открыли, и содержимое тускло-блестящей горкой возвышалось на столе. Георгий Победоносец пронзал змея мечом на старой московке, копьем – на новгородских монетах. Копейки, полушки времен Ивана Грозного. Новые монеты царя Федора Иоанновича с буквами Р да Е... Даже одна золотая копейка неведомыми путями закатилась в отцовскую кубышку. Рачительный, прижимистый Василий Ворон сберег копейки на черный день, позаботился о семье. На глаза Аксины навернулись слезы.

Матвейка подлетел к столу и схватил одну из монет. Поднес к глазам, разглядывал долго, собрался за пазуху засунуть.

– Нельзя тебе брать деньги, Матвейка. – Аксинья разжала ласково руку, забрала копейку.

– Дурную натуру выроodka сразу видно, – покачала головой Софья. – Нечист на руку.

Аксинья долго пересчитывала монеты, в счете она была не сильна. Наконец деньги были поделены на две равные кучки. Только тогда она ответила невестке:

– Не видел копеек, поди, ни разу. Интересно ребенку стало. А ты сразу обвинять.

Залаяли громко собаки, заскрипел снег под полозьями саней.

– Едет! – разругалась Софья.

– Держи. – Аксинья часть монет смахнула в полотняный мешок и спрятала его в сундук, другую часть высыпала в горшочек. – В добрый путь.

– Здравствуйте, люди добрые, – в избу зашел, приветливо улыбаясь, невысокий мужчина.

Шапка, тулуп, усы и борода его покрылись инеем. Он стянул с головы колпак, под ним не оказалось волос. Жених Софьи был совсем немолод, вдвое старше невесты. Полный, улыбочивый, с хитрым прищуром темных глаз и сединой в бороде, он Аксинье понравился. Напомнил отца.

– Проходите, – склонила она голову. Мужчина заинтересованно осмотрел Аксинью.

– А ты...

– Аксинья Ветер, золовка Софьи.

– Раз знакомству, лебедушка. Порфиша Малой, – поклонился мужчина.

– Готова я, все вещи увязала, – лебезила невеста перед Порфишей.

– Посидим, Софьюшка, на дорожку? – Голос его будто обволакивал.

– Посидим.

Аксинья села на край лавки, оперлась боком о стол, Софья с Васькой на руках и жених ее пристроились на лавке у входа. Матвейка разглядывал гостя, застыв от него в двух шагах.

– Твой? – кивнул Порфиша на мальчишку и подмигнул

ему. Матвейка спрятался за печь.

– Нет, моя дочка в люльке хнычет, – ответила Акси́нья.

– А чей тогда?

Акси́нья хотела сказать правду, но поймала умоляющий взгляд невестки.

– Приблудился к нам парнишка, вот и взяли.

– Милосердные христиане. Вам воздастся, – улыбнулся Порфирий. И неясно было, одобрял он деяние или смеялся над Акси́ней.

– Пора нам в дорогу, – первой поднялась Софья. Ее тяготила эта изба. Эта семья.

– Пора. Еще в церковь успеть надо. Родичей на венчание позвать не хочешь? Всем места хватит, сани у меня просторные.

– Да без надобности... Назад потом добираться им...

– Спасибо вам за приглашение. Софье достаточно нашего благословения и его. – Акси́нья протянула невестке горшочек с ее частью монет.

Порфиша кивнул и подхватил тюки с добром. Софья укутывала сына в теплый плат. Она спешила, и потому ручки каждый раз оставались на воле. Стоило ей перенести Васятку через порог, как поднял он плач.

– Аууыы, – заливался он, и крупные слезы стекали по курносому лицу. – Оау.

– Да успокой ты сына. – Порфиша повысил голос. Мягкая обволакивающая ласка вмиг исчезла.

Софья вздрогнула и затетешкала над сыном, стараясь унять его горе.

– Не хочет из родной избы уезжать, – грустно улыбнулась Аксинья, отодвинув угол платка, стерла слезы с Васькиного лица. – Не реви, мужику не пристало сырость разводить.

Матвейка протянул ей ловко смастеренную из березовой коры игрушку, внутри нее громыхали камушки... Аксинья потрясла погремушкой над Васяткой, и слезы быстро сменились улыбкой.

– Держи. Подарок сыну твоему и напоминание о нас.

– До свидания всем, – сухо попрощалась Софья.

– Добра вам и здоровья. – К Порфише вернулась благостность.

Едва выйдя на порог, Софья выкинула погремушку на снег.

– Дитю игрушка по нраву пришлась, – не одобрил жених.

– Не нужны нам подарки оборванцев всяких, – пробурчала его невеста.

– Садись в сани, – вздохнул Порфиша.

Жаль, время не воротить назад. По всему видно, злой нрав у невесты. Родители ее рассказывали о том, как добра, милосердна, хозяйственна. Молодая жена и с пятном на лице хороша. Какую кобылу выбрал, на той и ездить.

– Иди ко мне, Матвейка. – Аксинья прижала к себе мальчишку.

Черная заноза кусала палец, вонзившись в плоть. Горе

терзало сердце, проникнув куда глубже. Семья становилась все меньше, таяла, как снежный сугроб в весенний день. Нескоро теперь увидят они Ваську, Софья выстроит новую жизнь с новым мужем, и родичам в жизни той не место.

Тоска по веселому проказнику Ваське подступала к сердцу Аксины. А впереди нет просвета и продыха, впереди – новое горе.

4. Смерть

Вместе с Великим постом в Еловую пришла оттепель. Задорные сосульки свешивались с конька крыши, растапливали снег, веселили душу.

– Еще чуток подождать – и весна, – шурилась на яркое солнце Аксинья.

Матвейка серьезно кивал и еще резвее долбил лед, покрывший двор серо-грязным накатом.

– Ты рукавицы зачем снял? Озябнут пальцы.

Парнишка вздохнул и подхватил с перил крыльца огромные рукавицы из собачьей шкуры. Из-под шапки вились отросшие кудри, щеки округлились, исчезла болезненная худоба. «Как похож на брата», – умилилась Аксинья. И сейчас, месяцы спустя после чудесного появления Грязного на пороге избы, не могла она поверить в Божий дар.

– Отцовские рукавицы греют пуще всяких других.

– Расскажи.

– Об отце твоём?

– Да. Хочу знать о нём.

– Ох. – Она отставила метлу с березовыми пальцами-ветками на конце.

В воспоминания погружаться страшно. На душе и сладко, словно от меда, и горько – горче острого перца с далеких островов.

– Черноволосый, чернобровый, стройный – хорош собой, как молодец из сказки. Добрый, незлобивый... Сколько я его, мелкая, ни дразнила, слова худого мне не сказал. Родителей и меня холил, оберегал. Самый лучший брат, какой может быть на белом свете.

– А мать?..

– Ты хочешь спросить, как с матерью твоей у него получилось... Сложно это, Матвейка. Так сразу и не объяснишь.

– Скажи как есть.

– Помогал он матери твоей, отец на промысле был постоянно. И полюбился Марии Феденька наш... Есть вина на них, но жалко их было так, что сердце рвалось... Мне тогда годков четырнадцать было, немногим старше тебя... помню, будто вчера было, как Мария к нам пришла рожать... Все переломала любовь их.

– Блуд у них был?

– Ты так не говори про родителей. Нельзя.

– А поп блудом зовет.

– Его это дело, на грехи людям указывать да наказание налагать. Не было бы тебя на свете, если бы не грех... А так – вон какой молодец ладный вырос!

Матвейка заулыбался. Аксинья давно заприметила за ним черту: от похвалы любой расцветал он, работал без устали, без продыху, с огоньком. А от окрика, грубого слова впадал в оторопь, цепенел, прежде проворные руки становились медлительными, онемевшими. Потому тетка не ругала никогда

парнишку, все ласково с ним говорила, слов хороших не жалела.

– Правду бы сказала мать – мне лучше было.

– Боялась она. Правда может обухом ударить так, что голова зазвенит. – Аксинья вспомнила правду, что Ульянка открыла ей. – Ты не вини ее, мать свою.

– Я и не виню. – Матвейка шмыгнул. Серьезный, молчаливый, работающий, словно маленький мужичок. Ранимый, наивный, любопытный. Совсем ребенок. И за него отвечать ей, Оксюше. – Ой!

Вскрик Матвейки переполошил погрузившуюся в думы Аксинью. Он возмущенно стряхивал с плеча снежные комья. Из-за забора выглядывала пакостная рожица соседского Тошки.

– Доброго дня вам.

– Доброго дня тебе, Тошенька. В гости к нам заходи.

– А я его вон боюсь. – Тошка махнул рукой на Матвейку.

– Ты все зубоскалишь. Матвейку нашего не обижай.

– Не буду! – крикнул Тошка и убежал восвояси.

Ровесники и соседи, Матвейка и Тошка, сын Георгия Зайца, могли бы сблизиться, играть вместе. Аксинья надеялась на рождение дружбы, но пока племянник за пределы двора выходил лишь по хозяйственным надобностям, с парнями деревенскими знакомиться не желал, и все неуклюжие попытки Тошки расшевелить молчаливого соседа натыкались на холодность. Вот и сейчас вместо того, чтобы запустить в

Тошку снежком, Матвейка молча продолжил работу.

Оставив мальчишку хозяйничать во дворе и хлеву, Акси-
нья вернулась в избу. С улицы почуяла тяжелый дух в избе.
Уже второй месяц мать лежала, не поднимаясь с лежанки.
Сил у Аксины хватает лишь раз в седмицу обмыть больную
да поменять одежду, перетряхнуть солому и пух на постели.
С уходом Софьи все заботы о небольшой семье обруши-
лись на Аксиныю. Она и по дому хозяйствует, и мать лечит,
и выгадывает, сколько ржи, ячменя, репы да моркови можно
взять из закромов, а сколько оставить. И с каждым днем все
страшнее ей запускать руку в лари с запасами, все ближе дно.

Главная радость в ее невеселой жизни – дочь. Синегла-
зая непоседа выросла, возмущенно кричала, отказываясь си-
деть в люльке, жаждала изучать загадочный мир. Аксиныя с
Матвеем соорудили для нее в женском углу избы гнездыш-
ко из старых одеял, тряпок, беличьей шубы Анны. Там Нюта
ползала, лепетала что-то на своем загадочном языке, тиска-
ла привычного к жестокой нежности младенцев Уголька.

Аксиныя вытащила дочь из гнездышка, устало села на лав-
ку. Выпростав грудь из-под одежды, она прижала к ней Ню-
ту.

– Сусанна, – шептала, сама не зная зачем.

Минуты складывались в бесконечное время, как за лож-
кой тянется разнотравный мед. Намотаешь его на деревян-
ную палочку – и вытягиваешь длинные, желто-приторные
нити. Аксиныя задремала, ушла в мир грез и невнятных мыс-

лей.

– Тетя! – Она вскочила, привычным движением придерживав недовольно мякнувшую дочь.

– Матвейка. Ты что раскричался?

– Тттам, там, – показывал он рукой на печь.

Анна свесила руку с лежанки в последней попытке дотянуться до дочери и внучки. Так и ушла в вечность, застыв с протянутой рукой.

– Матушка. – Не было пока боли, не было слез, только обрушилось обухом по голове осознание потери. Аксинья уже знала: все придет потом, и тянущая боль где-то близ сердца, и ночной вой, и град слез, и крики о несправедливости божьего промысла.

– Ты беги к соседям. Зайцу... Георгию скажи, что Анна ушла... Надо отца Сергия привезти...

– Я быстро, тетя... Я мигом.

Георгий Заяц не подвел, он пришел сразу, да не один, приведя с собой раздобревшую Марфу.

– Ах ты бедняженька, лапушка, – напевно запричитала та, вызвав с трудом одолимое желание прижаться к высокой груди, выплакать все ручьи печали.

– Спасибо тебе, Марфуша. Матвейка, иди к Параскеве.

– Он здесь нужен. Тошку отправим. Сейчас позову.

Полуодетая, выскочила Марфа на улицу и зычно закричала на всю округу:

– Тошка! Сынок!

Тот будто ждал зова, сразу выскочил откуда-то из-за забора, повел плечом:

– Не сынок я тебе. Что надо?

– Матушка у Аксиньи померла... Ты за Прасковьей, из новоприбывших, сходи, голубок.

– Схожу. Я не голубь вовсе.

После захода солнца Георгий привез александровского батюшку. Отец Сергей бормотал положенные молитвы над покойницей, лежащей на лавке посреди избы. Облаченная в белые одежды, Анна поражала спокойным выражением лица, ни тени боли или скорби в складках у рта, разглажен лоб, чисты уже закрытые глаза. Не успела она попрощаться с дочкой и внуками, быстро отошла в мир иной без покаяния и канона, но где-то в глубине души своей нашла умиротворение и бесстрашие перед последним жизненным испытанием.

Всю ночь отец Сергей сидел у изголовья Анны, окропляя ее святой водой, повторяя песни канона. Иногда прерывал он свое бдение, чтобы смочить водой изнуренное молитвами горло. Рядом склонила голову Аксинья, шептала слова прощания, гладила незаметно бело-синюю руку, прикрытую белым холстом. Матвейка с покрасневшими глазами сидел рядом с Аксиньей, порой закрывал глаза, бормотал какие-то молитвы – а знал ли он их слова? – отказывался уходить далеко от тетки или ложиться спать. Считал он своим долгом поддерживать в горе ту, что дала ему приют, и оплакивать ту, что быстро покинула этот мир, не успев поделиться с ним

обжигающим пламенем своей любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.